

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Проблемы византийской истории на страницах сборника «Античная древность и средние века». Свердловск, 1960—1984. Вып. 1—20

В 1984 г. вышел в свет подготовленный кафедрой истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета двадцатый междвузовский сборник статей под ставшим уже традиционным подзаголовком «Античная древность и средние века» (последние пять выпусков имели наряду с ним тематические названия «Социальное развитие Византии», «Античные традиции и византийские реалии», «Античный и средневековый город», «Византия и ее провинции», «Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе»). Хотя в настоящее время и нет необходимости специально представлять это издание, снискавшее себе широкую всесоюзную и международную известность и признание, тем не менее хотелось бы напомнить, что первый сборник был опубликован в 1960 г. и вышел под редакцией одного из старейших и наиболее известных наших ученых-византистов проф. М. Я. Сюзюмова. В рецензии на первые пять выпусков совершенно справедливо отмечалось, что «становление этих сборников — в значительной мере результат трудов и энтузиазма М. Я. Сюзюмова, сумевшего вырастить и сплотить вокруг себя группы византистов, и его ближайших сотрудников»¹. За прошедшие годы сборник «Античная древность и средние века» не просто стал периодическим органом античников, византистов и медиевистов Свердловска и многих других вузов и научных центров страны. Значительно расширились его содержание, проблематика, круг авторов. Поэтому просто невозможно полностью охватить в одном обзоре более 200 разнообразных по характеру и тематике статей, содержащихся в двадцати выпусках этого издания. В нашу задачу входит рассмотрение только тех конкретно-исторических, археологических и теоретических статей (все последние принадлежат перу М. Я. Сюзюмова), которые связаны с проблематикой византиноведения.

Следует отметить специально, что мы стремились не обойти вниманием включенные в 10-й выпуск «Античной древности и средних веков» статьи, авторами которых являются не только свердловчане, постоянные участники издания².

Работы свердловских византистов при большом разнообразии проблематики не только охватывают более или менее равномерно все хронологические периоды истории Византии — ранний, средний, поздний, но и группируются по целому ряду тем, тесно взаимосвязанных друг с другом и разрабатывающихся на протяжении уже более 20 лет.

Одна из таких наиболее емких тем — развитие византийского города, его экономики, торговли и социальной структуры. По ней написан ряд как конкретно-исторических, так и обобщающих статей М. Я. Сюзюмова и его учеников. Строго говоря, первая же византиноведческая статья издания была посвящена этой теме. Речь идет об исследовании М. Я. Сюзюмова о трактате Юлиана Аскалонита, о принципах и нормах градостроительства VI в. Сопоставляя различные редакции рукописи трактата, автор убедительно продемонстрировал зависимость различия и внесенных в сочинение Аскалонита изменений на протяжении четырех веков в связи с насущными потребностями городской жизни в разные периоды истории Византии. Сравнение советов Аскалонита с данными «Книги Эпарха» показывает, что рекомендации трактата использовались в X в.³

Обобщающие статьи М. Я. Сюзюмова по проблематике византийского города в целом выявляют роль этого института на разных этапах византийской истории. В своих работах М. Я. Сюзюмов постоянно отстаивал положение о континуитете в развитии византийского города, о вхождении его в средневековье в «готовом виде», о преемственности в его историческом развитии. Ученый постоянно стремился выявить типологические особен-

¹ Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Античная древность и средние века: Сборник статей по истории древнего мира и средних веков кафедры всеобщей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького, вып. 1—5/Под ред. проф. М. Я. Сюзюмова. Свердловск, 1960—1966.— ВВ, 1969, 30, с. 243.

² В 10-м выпуске АДСВ (Свердловск, 1973), посвященном 80-летию юбилею М. Я. Сюзюмова, опубликованы 56 статей, из них 41 — из СССР, 2 — из США, 5 — из ГДР, 4 — из Болгарии, по одной — из Франции, Японии, Бельгии, Греции. Перу свердловских византистов принадлежит 11 статей.

³ Сюзюмов М. Я. Предпринимательство в византийском городе.— АДСВ, 1966, вып. 4, с. 2—30.

ности византийского города по сравнению с западным. Он подчеркивал, что в Византии город был центром эксплуатации деревни и его главной экономической функцией было превращение натурально-хозяйственного продукта в товар; в городе сосредоточивалась администрация, духовенство, в нем концентрировалась идеологическая жизнь общества; он был центром ремесленного производства на всем протяжении византийской истории и постоянно доминировал над округой. Отсюда и вытекает тезис М. Я. Сюзюмова о непосредственной преемственности позднеимперского и феодального города в Византии при известном видоизменении характера собственности и труда основного производителя. Континуитет города, по М. Я. Сюзюмову, определял и специфику городских народных движений, которые направлялись, как правило, не против знати, но против администрации. По мнению автора, доминирование города было одной из причин, приведших к замедлению складывания сеньориальных отношений в византийской деревне и в конечном счете к существенному отставанию Византии от Запада, что было одной из причин ее гибели⁴.

Более углубленный анализ основной экономической функции византийского города — превращение сельскохозяйственного продукта в товар — был проведен М. Я. Сюзюмовым в его статье о предпринимательстве, которое, по его мнению, было «экономической стороной» отмеченной функции. Автор насчитывает три основных вида предпринимательства: 1) извлечение доходов от земельных участков и домов на основе частной собственности на них; 2) производственное предпринимательство (ремесленники, владельцы мастерских, откупщики, исподволь «приторговывавшая» знать); 3) морская торговля — от самостоятельного вождения кораблей их владельцами до аренды и финансирования купеческих предприятий⁵.

Известным итогом многолетних изысканий М. Я. Сюзюмова по византийскому городу явилась его обобщающая статья «О функциях раннесредневекового города»⁶, тесно связанная с рядом теоретических исследований по проблемам генезиса феодализма. В нем автор стремится ответить на такие спорные вопросы: существовал ли вообще город в раннем средневековье, и если существовал, то являлся ли он только аграрным поселением. Полемизируя как с тезисом о том, что до IX в. нельзя говорить о существовании городов, так и с многочисленными теориями континуитета римской культуры в раннем средневековье,

М. Я. Сюзюмов прослеживает постепенную эволюцию города в его существенных структурах, выраженных в разных функциях, от возникновения их в недрах родового строя до XI в. По его мнению, город был многофункциональным институтом, и для каждого этапа развития производительных сил он выполнял определенные функции. Установив наличие у раннесредневекового города ряда специфических и присущих только ему функций, М. Я. Сюзюмов делает вывод, что «античный город не перешел прямо, эволюционно в „феодальный“, но путем развития в продолжение длительного периода, как мы попытались доказать, „раннесредневекового“ города, отражавшего потребности переходного периода»⁷.

Некоторые соображения М. Я. Сюзюмова о конкретных путях развития города в «темные века» были развиты И. П. Медведевым в работе, посвященной феномену трансурбанизации в VII—IX вв. На примере пелопоннесских городов автор установил не только некоторые причины их «бродяжничества» (например, военный фактор), но также показал, что итогом этого перемещения был разрыв со старыми традициями и институционализация элементов новой жизни, существовавших прежде лишь в тенденциях. Трансурбанизация была одной из форм складывания социальной структуры средневекового византийского города, и, в свою очередь, сами эти «новые города» были особым типом города в Византии⁸. Конкретное возникновение такого города на основании одного (военного) фактора в поздневизантийский период И. П. Медведев показал на примере Мистры. Генетически она была связана со старой Спартой, или, точнее, византийской Лакедемонией, но возникла как новый город в специфических условиях завоевания Пелопоннеса крестоносцами⁹.

Две статьи посвящены социальным отношениям в поздневизантийском городе. М. А. Поляковская, анализируя «Разговор между богатыми и бедными» Алексея Макремволита, отметила наличие глубоких и острых социальных противоречий в поздневизантийском городе. Автор выявила, что за термином «бедные» Макремволита стояли многочисленные слои трудящихся города (но не нищие), противостоящие «богатым» — предпринимателям (собственнические элементы — торговцы, владельцы мастерских и т. д.). В свою очередь, эти последние конфликтовали с аристократической прослойкой общества и администрацией. Исследовательница показала наличие у этих «средних классов» поздневизантийского

⁴ Сюзюмов М. Я. О роли закономерностей, фактов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 5—16.

⁵ См. выше, примеч. 3.

⁶ Сюзюмов М. Я. О функциях раннесредневекового города. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 34—51.

⁷ Там же, с. 48.

⁸ Медведев И. П. Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города. — АДСВ, 1969, вып. 6, с. 79—90.

⁹ Медведев И. П. Основание города Мистры. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 57—74.

города собственных социальных программ и особой психологии¹⁰.

В. А. Сметанин на основании специальной терминологии, применявшейся для обозначения ремесленников поздневизантийского города (им выявлено наличие в городе той эпохи 84 ремесленных профессий) сделал некоторые выводы и внес определенные коррективы относительно его социально-экономической структуры. По его мнению, не приходится говорить о «повсеместном исчезновении» корпораций ремесленников в поздней Византии. Источники позволили проследить в последние годы существования Византии зарождение рассейной мануфактуры. Городское население XIII—XIV вв. не было единым социальным слоем; в городе не преобладали ни экономически, ни политически торгово-ремесленные круги. Наемные работники, несмотря на неизменность в течение тысячелетия их юридического статуса, тем не менее, по мнению автора, не были устойчивым социальным слоем. В связи с экономическим упадком города и необходимостью расходов на оборону происходит укрепление позиций иностранного купчества и, соответственно, увеличение численности этой прослойки. Пропасть между трудящимися и господствующим классом становится самой глубокой за всю историю Византии¹¹.

К проблематике поздневизантийского города относится также статья М. М. Шитикова о торговле продовольствием в Константинополе в первой половине XV в. На основании книги счетов венецианского купца Джакомо Бадоера автор воспроизводит структуру торгового ассортимента итальянцев в Константинополе с преимущественным вниманием к продовольственным товарам. Убедительным представляется вывод о том, что в первой половине XV в. Константинополь оставался крупным центром потребления и оживленной транзитной торговли, хотя его роль как рынка пряностей упала по сравнению с XIV в. Все больше в руки иностранных купцов переходит даже торговля продовольствием¹².

В ряде статей разрабатывались некоторые аспекты другой важной темы — эволюции аграрных отношений и социальной структуры в поздневизантийской деревне. Это прежде всего работы В. А. Сметанина о различных прослойках крестьянства, написанные на основе

византийских государственных и частноправовых документов XIII—XV вв. Составляя сводки терминов, применявшихся в этих документах для обозначения разных категорий крестьян, автор выявил права и положение свободных сельских производителей и деклассированной прослойки поздневизантийской деревни. По его мнению, прослойка свободного крестьянства составляла меньшинство сельского населения и была типична для периода развитого феодализма. Значительно более пестрой по социальному происхождению была категория «неизвестных казней» крестьян; она пополнялась, как правило, бывшими париками и разорившимися ремесленниками и представляла собой наиболее обездоленную в имущественном отношении часть поздневизантийской деревни. Не были монолитны ни в имущественном, ни в социальном отношении также и сельские ремесленники¹³.

Эволюция монастырского пригородного и городского хозяйства в Фессалонике и Серрах на обширном актовом материале поздней Византии прослеживается в статьях М. А. Поляковской (к ним приложены обширные таблицы размеров крестьянских хозяйств). Убедительно продемонстрирован прогрессирующий рост монастырских владений как в пригороде, так и в городах с конца XIII в. Анализируя структуру и формы эксплуатации монастырской собственности, исследовательница приходит к выводу о том, что существенных перемен в ее характере не произошло, — можно лишь говорить о перемещении феодальной собственности в руки проиаров. В целом в монастырских владениях отсутствовали даже тенденции к зарождению капиталистических отношений, что в конечном итоге являлось одной из внутренних причин гибели Византии¹⁴.

Изучение экономической базы поздневизантийского монашества логически привело М. А. Поляковскую к анализу его роли в политической жизни империи середины XIV в. Автор опровергает тезис о гармонии византийского государства и церкви в XIV в. и подчеркивает, что монашество активно препятствовало ликвидации раздробленности. Оно ориентировалось на ту феодальную собственность, которая была связана с частной властью иммунистов. В целом же поздневизантий-

¹⁰ Поляковская М. А. К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту). — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 95—107.

¹¹ Сметанин В. А. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 108—119.

¹² Шитиков М. М. Торговля продовольствием в Константинополе и его окрестностях в первой половине XV в. (по данным книги счетов Джакомо Бадоера). — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 120—127.

¹³ Сметанин В. А. Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV вв. — АДСВ, 1963, вып. 2, с. 24—59; *Он же*. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 47—60; *Он же*. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 94—135; *Он же*. Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 159—171.

¹⁴ Поляковская М. А. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV — первой половине XV в. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 17—46; *Она же*. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 75—93.

ское монашество представляло собой элемент господствующего класса, выражавших центробежные тенденции¹⁵.

Позднее эти наблюдения и выводы М. А. Поляковской были развиты и конкретизированы молодым исследователем Н. Д. Барабановым. Рассматривая в ряде статей деятельность патриарха Афанасия I по укреплению единства византийской церкви, Н. Д. Барабанов на примере афонских и столичных монастырей и епископата показал причины нарастания оппозиции местного духовенства центральной церковной власти. По его мнению, борьба внутри поздневизантийской церкви отражала две тенденции, свойственные ее развитию в XIII—XIV вв. Одну — к децентрализации, ослаблению центральной власти. Эта тенденция порождалась стремлением архиереев к самостоятельности и независимости от патриаршего престола в местных церковных вопросах. Обладая значительными богатствами, епископат желал вести образ жизни, близкий к светскому. В противоположность этому Афанасий I и его сторонники настаивали на жесткой централизации всей власти в церкви, передаче важнейших должностей в ее аппарате монахам, для того чтобы на основании политического господства провести задуманные реформы в сфере морали и права, необходимые для подъема в глазах народа престижа духовенства. В этом смысле, по мнению автора, патриархат объективно стремился к союзу со светской властью в целях преодоления внутриэкономического кризиса и эффективного отражения внешней опасности¹⁶.

Значительное количество работ свердловских византинистов посвящено историко-экономической тематике. Это прежде всего статьи М. Я. Сюзюмова о трактате Юлиана Аскалонита, «Морском законе родосцев», мировоззрении Льва Диакона, к которым приложены переводы этих памятников византийской литературы на русский язык. В них М. Я. Сюзюмов продемонстрировал высокий уровень историко-экономического анализа. Статьи ученого, как правило, не ограничивались убедительной внутренней критикой источников, но перерастали в конкретно-исторические работы. Так, сопоставление «Морского закона родосцев» с соответствующими местами «Дигест» и «Василик» сопровождалось экскурсами о морском предпринимательстве в Византии VII—

XIII вв. Автор делает вывод о том, что после VII в. «морское предпринимательство приобрело иной характер, более мелкий по объему, но более связанный с личной инициативой купца, т. е. стало более подходить к типичным условиям средневекового города-эмпория», а само «морское обычное право родосцев таким же образом благоприятствовало мелкой морской торговле, как земледельческий закон содействовал внутренней сплоченности крестьянской общины»¹⁷.

Анализируя мировоззрение Льва Диакона, М. Я. Сюзюмов, говоря об огромном влиянии на Льва Диакона авторов V—VII вв., тем не менее подчеркивал известную самостоятельность историка в определении задач его труда. Изучение политических взглядов Льва Диакона привело М. Я. Сюзюмова к предположению о том, что его «История» так и осталась до конца жизни необнародованной, а после смерти автора попала к любителям рукописей. Определяя ту духовную атмосферу, в которой творил Лев Диакон, Сюзюмов отметил, что величие прошлого стало настоящей религией византийцев; в континуитете они искренно видели силу и счастье своего народа¹⁸.

Предметом источниковедческого анализа М. А. Поляковской были энкомии Николая Кавасилы. По мнению автора, несмотря на требуемую жанром деконкретность, энкомии Кавасилы не были изолированы от общественной жизни своего времени. Исследовательница показала особенности передачи в сочинениях такого рода исторической ситуации и фактов и выявила наряду с традиционностью композиции энкомиев Кавасилы ряд новых моментов, отражавших динамику взглядов автора¹⁹.

Некоторым аспектам мировоззрения Зосима посвящены обстоятельные статьи А. С. Козлова, в которых автор с разных позиций стремился выявить ту социальную группу, выразителем взглядов и настроений которой был этот последний представитель грекоязычной языческой историографии. Сложный анализ отношения Зосима к «проблеме варваров» показал дифференцированный подход этого автора к различным группировкам и вождям германцев, находившихся на службе ранней Византии. Градоцентризм мировоззрения Зосима соседствует с деформированным языческой идеологией патриотизмом, выражавшимся в тер-

¹⁵ Поляковская М. А. Участие византийских монастырей в политической жизни империи середины XIV в. — АДСВ, 1969, вып. 6, с. 65—78.

¹⁶ Барабанов Н. Д. Борьба внутри византийской церкви на рубеже XIII—XIV вв. — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 141—156; Он же. Из истории связей Константинополя и Афона в начале XIV в. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 115—126.

¹⁷ Сюзюмов М. Я. Морской закон. — АДСВ, 1969, вып. 6, с. 3—54. Для М. Я. Сюзюмова, тонкого знатока правовых источников, постоянен был интерес к истории поздне римского и византийского права. На вопрос о том, почему римское право смогло стать основой законодательства ряда стран при капитализме, он пытался ответить в своей работе: Зачатки будущего в социально-экономической сфере Римской империи и ранней Византии (к постановке вопроса). — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 3—20.

¹⁸ Сюзюмов М. Я. Мировоззрение Льва Диакона. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 127—148.

¹⁹ Поляковская М. А. Энкомии Николая Кавасилы как исторический источник. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 77—88.

пимом отношении к тем из варварских вождей, которые не приняли христианства. В целом, по мнению А. С. Козлова, материал «проблемы варваров» служил Зосиму для пропаганды его взглядов на состояние государства, а сам историк выступал рупором той части византийской знати, которая цеплялась за изживающие себя античные полисные порядки²⁰. Анализ социальных симпатий и антипатий Зосима привел А. С. Козлова к выводу о том, что Зосим не просто защищал позиции абстрактных горожан, но, напротив, сознательно «затуманивал» социально-сословную принадлежность групп, изображенных объектом императорского деспотизма, с целью искусственно расширить круг лиц, от имени которых он брался выступать. Изучение некоторых аспектов динамики социальной структуры ранневизантийского общества V в. показало объект критики Зосима — «новую» знать, возникшую в результате слияния верхушки курялов, части сенаторов, военно-чиновных элементов в один слой и обогащавшуюся за счет средних и мелких муниципальных землевладельцев. Именно взгляды этих последних, которым государство передало часть управленческих функций в полисе и которые были заинтересованы в сохранении городских имуществ, выражал Зосим. Этой социальной позицией и объясняется обращение симпатий Зосима в прошлое, к классическим формам изживавшего себя рабовладельческого общества²¹.

Объектом специального источниковедческого исследования свердловских византистов были и такие сложные типы источников, как письма и монеты. Так, в целом ряде статей В. А. Сметанина впервые в советской исторической науке специально разрабатывались различные теоретические и конкретные аспекты поздневизантийской эпистографии. Был установлен объем поздневизантийского эпистолярного наследия (287 эпистографов, которые оставили минимум 5941 писем), разработаны принципы и задачи эпистонологии — вспомогательной исторической дисциплины, занимающейся методикой исследования писем как исторического источника. В. А. Сметаниным установлены три ступени эпистонологического исследования — апохорисис (вы-

членение переписки), прозлевсис (разработка ее архитектоники), эфармосис (введение эпистолярного наследия в научный оборот), каждая из которых позже стала предметом самостоятельного изучения²².

В. П. Степаненко на основании детального рассмотрения истории взаимоотношений Византии, сельджуков, армянских и грузинских государств решает дискуссионный вопрос об атрибуции монет Кюрике куроपालата в пользу Кюрике II и датирует их выпуск 1048—1064/65 гг.²³

Такой специфический тип исторического источника, как греческие портуланы, был изучен Э. И. Чудиновских. Автор отметила, что они являются ценным источником, свидетельствующим об активном участии греческого населения в мореплавании в последние века существования Византии и после ее падения. Кроме того, они дают сведения по исторической географии: направление морской торговли и ее центры, внутренние связи греческого населения, находящегося в XV—XVI вв. под венецианским господством²⁴.

Характеристике данных византийских задачников XIV—XV вв., основной темой которых была торговля, посвящено сообщение М. Г. Барановой. Проследившая эволюцию учебного материала в XIV—XV вв., автор считает, что он отражает нарастающее засилье итальянских купцов в поздней Византии. Так, если в задачах XIV в. совершенно не упоминается итальянская монета, то в задачах XV в. речь идет преимущественно о ней. Отсутствие задач о ростовщичестве, по мнению автора, позволяет говорить о наличии в поздней Византии более совершенных форм кредита. Задачники содержат любопытные детали о системе водоснабжения, постройке циргов и домов, даже о торговых компаниях XV в. Однако автор делает вывод о недостаточной компетенции источника²⁵.

Предметом источниковедческого анализа В. В. Кучмы стали византийские военные трактаты VI—X вв. Специальное изучение этих источников с точки зрения композиции и характера сообщаемых ими сведений привело автора к выводу о том, что все они, от «Византийского Анонима» до «Тактики Никифора Урана», представляют собой единый военно-теоретический ансамбль. Автор аргумен-

²⁰ Козлов А. С. Некоторые аспекты «проблемы варваров» в «Новой истории» Зосима. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 52—59.

²¹ Козлов А. С. Социальные симпатии и антипатии Зосима. — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 23—42.

²² Сметанин В. А. Эпистонология поздней Византии: Постановка проблемы и обзор историографии. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 60—76; *Он же*. Эпистонология поздней Византии. Прозлевсис (конкретно-историческая часть). — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 60—62; *Он же*. Теоретическая часть эпистонологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии. — В кн.: Социальное развитие Византии. АДСВ, 1979, с. 58—93.

²³ Степаненко В. П. Из истории армяно-византийских отношений второй половины X—XI вв. К атрибуции монет Кюрике куроपालата. — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 43—51.

²⁴ Чудиновских Э. И. Греческие портуланы как исторический источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья XV—XVI вв. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 59—82.

²⁵ Баранова М. Г. Поздевизантийские задачники как исторический источник: (Сообщение). — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 122—127.

тировал гигантскую роль традиции и тесной преемственности в военно-научных знаниях раннесредневековой Византии медленным и застойным характером развития социально-экономических отношений в тот период. Именно этим объясняется консерватизм военно-теоретической мысли VI—X вв., которая только приближалась к идеалам Витрувия и Вегеция. Основное количество памятников византийской военной мысли VI—X вв. отражало медленную эволюцию военной системы и образует единую цепь, каждое из предыдущих звеньев которой питало последующее. С этих общих позиций В. В. Кучма выдвинул новые критерии достоверности военных трактатов VI—X вв. Принцип самостоятельности подобного источника в такой ситуации уже менее важен; главное же состоит в том, соответствуют ли нет его положения требованиям времени²⁶.

Выработанная в ходе источниковедческого анализа методика исследования византийский военных трактатов позволила В. В. Кучме перейти к выявлению в них раннесредневековых напластований, что, по сути дела, относится уже к теме конкретного изучения военной истории Византии. Автор отметил, что активизация военно-теоретической мысли византийцев, начавшаяся в конце IX в., была вызвана кризисом основ фемного строя и выразилась прежде всего в обилии оборонительных установок. На основании главного источника — «Тактики Льва» — В. В. Кучма детально рассмотрел аспекты истории византийской армии IX—X вв.: методы морально-политического воздействия на войско, конкретные принципы лагерного устройства, структуру и численность армейских подразделений. Им впервые в советском византиноведении была поставлена задача исследования влияния войны на экономику²⁷, которую также попытался реализовать и В. А. Сметанин в своих статьях, посвященных обороне Византии от турок в XIII—XV вв. По его мнению, в 1282—1453 гг. Византия находилась в состоянии перманентной войны сразу на нескольких фронтах. Обострению и ухудшению внешнеполитического положения палеологовской Византии не в малой степени содействовал официальный ойкуменизм. Византийские историки, по В. А. Сметанину, недооценивали турецкую экспансию, которая носила специфический характер и ставила целью

уничтожение Византии как государства. Византия, как и Русь, должна была сыграть роль заслона для Европы. Перманентная война была губительна для византийской экономики, ибо военные издержки (налоги и повинности, связанные с военными нуждами, выплата дани и контрибуций, выкуп пленных, навязывание византийцам помощи на кабальных условиях, милитаризация ремесленного производства) обрекали ее на непрерывное истощение денежных, материальных и людских ресурсов²⁸.

В известной мере эта же проблема на примере истории V в. затрагивалась и А. С. Козловым, который, определяя место гот в социальной структуре ранней Византии, убедительно показал отрицательные последствия остготских образований в империи. На большом фактическом материале автор показал, что готское общество стремилось существовать лишь за счет прибавочного продукта империи и противилось всякому производительному труду. Тем не менее кристаллизации гот в военное сословие ранней Византии не произошло, а сама готская проблема была решена путем удаления их на Запад²⁹. Эта статья во многом явилась прелюдией к целой серии работ А. С. Козлова, посвященных сложной и специфической теме — социальной борьбе внутри господствующего класса ранней Византии и политической оппозиции различных его слоев правительству империи в конце IV—V в.

А. С. Козлов, поэтапно прослеживая смену политической ориентации правительства Византии от Феодосия I до Зинона, показал причины и конкретную историю выдвижения на авансцену социальной борьбы различных слоев господствующего класса империи. Крайне важным представляется анализ роли места выступления народных масс в этой борьбе. В целом сущность динамики социальной борьбы в конце IV—V в., по мнению автора, состояла в следующем. 379—395 гг. Феодосий с самого начала своего правления пользовался сильной поддержкой определенных слоев господствующего класса; оппозиция в этот период была слаба и в основном представлена имущими слоями полисов и отчасти крупными земельными собственниками 395—399 гг. В результате острой социально-политической борьбы и смены правительства Руфина, Евтропия и Аврелиана у кормила власти за это время побывали такие

²⁶ Кучма В. В. Византийские военные трактаты VI—X вв. — АДСВ, 1966, вып. 4, с. 31—56.

²⁷ Кучма В. В. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 99—116; *Он же*. Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва». — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 102—113; *Он же*. Из истории византийского военного искусства на рубеже IX—X вв.: (Структура и численность армейских подразделений). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 79—85.

²⁸ Сметанин В. А. О специфике перманентной войны в Византии в 1282—1453 гг. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 89—104; *Он же*. О тенденциях идеологической и социальной динамики поздневизантийского общества в период перманентной войны. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 99—109; *Он же*. Расходы Византии на армию и флот (1282—1453 гг.). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 117—125.

²⁹ Козлов А. С. К вопросу о месте гот в социальной структуре Византии IV—V вв. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 114—121.

группировки господствующего класса, как столичная аристократия и чиновная знать, связанная с авторитарной централизацией, торгово-ремесленная и ростовщическая верхушка столицы и части крупных эмпориев, верхушка курiales Константинополя и провинций, заинтересованная в существовании полюдных имуществ. В то же время формируется военно-варварская оппозиция, враждебная господствующему классу империи в целом. В 399—400 гг. боролись группировки горожан (Аврелиан) и военно-чиновной знати (Кесарий), обогащавшейся через государственный аппарат и слабо связанной с городскими имуществами. Последняя в известной мере пыталась опереться на готов, что в результате восстания против готов в 400 г. и предопределило ее падение. Первая половина V в. Несмотря на сложность и многоликость противоборствующих группировок, в целом четко вырисовываются два основных направления оппозиции: а) часть египетской и левантской торгово-ростовщической и землевладельческой знати, заинтересованная в централизации и экономических связях с Константинополем; б) крупные землевладельцы провинций и городская местная верхушка, не связанные с разлагавшимися полисами и отходившие от столичной знати. Сошло на нет то направление оппозиции, которое цеплялось за устаревшие формы муниципальной жизни в 50-х — начале 70-х годов V в. В целом расстановка политических сил и направления оппозиции не изменились³⁰.

Полемизируя с немецкой националистской историографией, А. С. Козлов полностью развенчал концепции, согласно которым Аспариды стремились создать антиримский блок варваров с целью захвата государственного механизма империи. Он показал, что в основе конфликта Аспара и Льва I лежала борьба собствен-

но византийских правящих группировок, а сама военно-арианская оппозиция выражала более консервативную тенденцию в социальном развитии империи на пути к ее феодализации³¹.

Еще одной темой, разрабатываемой на страницах свердловских сборников, являются вопросы внешнеполитической истории Византии и международных отношений. Для ранневизантийского периода эта проблематика затрагивалась в статье В. Т. Сиротенко о борьбе обеих империй за префектуру Иллирик в 395—425 гг., в которой автор показал крах великодержавных планов римской знати, отметив, впрочем, что закрепление за Византией иллирийский провинций благоприятно сказалось как на обороне Балканского полуострова, так и на общем экономическом развитии страны³².

Внешиполитическая активность Византии в Закавказье и Северной Месопотамии в X—IX вв., ее противоборство сельджуцкой экспансии, взаимоотношения с многочисленными армянскими и грузинскими и крестоносными княжествами рассматривались в ряде работ В. П. Степаненко. На основании большого количества византийских, армянских, латинских, грузинских источников автором существенно уточняются конкретная история и хронология частых перемещений границ империи в Закавказье, возникновения и распада государственных образований в этом регионе, прослеживается сложная дипломатическая деятельность Византии в свете установок ойкуменической доктрины. Статьи В. П. Степаненко отличаются высоким уровнем плотности информации и ее скрупулезный анализ³³.

К той же теме относятся и статья московского исследователя С. П. Карпова о возникновении Трапезундской империи. Автором подчеркивается, что наряду с помощью Великим Комнинам со стороны

³⁰ Козлов А. С. Основные черты оппозиции правительства Феодосия I в восточной части Римской империи. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 66—78; *Он же*. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг. — АДСВ, 1976, вып. 13, с. 68—82; *Он же*. Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399—400 гг. — В кн.: Социальное развитие Византии. АДСВ, 1979, с. 23—31; *Он же*. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в первой половине V в. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 5—31; *Он же*. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50-х — начале 70-х годов V в. — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. АДСВ, 1983, с. 24—39.

³¹ Козлов А. С. Народные массы в конфликте Аспара и Льва I. — АДСВ, 1973, вып. 10, с. 263—266; *Он же*. Содержание конфликта Аспара и Льва I. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 110—123.

³² Сиротенко В. Т. Борьба Западной Римской империи и Византии за префектуру Иллирик в 395—425 гг. и ее последствия. — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 73—88.

³³ Степаненко В. П. Апахунис в таосско-византийских отношениях в период мятежа Варды Склира — АДСВ, 1973, вып. 10, с. 221—224; *Он же*. Политическая обстановка в Закавказье в первой половине XI в. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 124—132; *Он же*. Государство Филарета Варжнуни, 1071—1084/6. — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 86—103; *Он же*. Дука Востока — стратиг Иверии? — В кн.: Социальное развитие Византии. АДСВ, 1979, с. 32—37; *Он же*. Из истории международных отношений на Ближнем Востоке XII в. Княжество Васила Гоха и Византия. — В кн.: Античные традиции и византийские реалии. АДСВ, 1980, с. 34—44; *Он же*. Ишханы Эдессы и внешнеполитическая ориентация города. К интерпретации событий 1083 г. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 48—53; см. также: Степаненко В. П., Шорохов А. В. К хронологии византийско-антиохийской борьбы за Равнинную Киликию, 1097—1108 гг. — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. АДСВ, 1983, с. 139—147.

царицы Тамары поддержка населения черноморских областей была основным фактором внутренней консолидации новой империи, т. е. центробежные силы бывшей фемы Халдия в значительной степени содействовали созданию Трапезундского государства³⁴.

Проблемам ожесточенной идейной борьбы в общественно-политической мысли XIV в. посвящена серия исследований М. А. Поляковской. Сквозь призму взглядов Николая Кавасилы, Алексея Макремволита и Димитрия Кидониса автор выявляет отношение различных социальных групп к внутренней и внешней политике палеологовской Византии. Так, анализ памфлета Кавасилы «Слово против нелепостей Григоры» показал наличие в Византии широкой общественной группы, близкой по своим устремлениям к политическим идеалам Иоанна Кантакузина и к мистике Паламы. В этом памфлете, по мнению М. А. Поляковской, отразилась реакционность Кавасилы, поскольку в условиях турецкой опасности защита паламизма с его проповедью ухода от активной жизни означала предательство интересов своей страны. Оценивая выдвинутый Кавасилой политический идеал сильного правителя как утопию и подчеркивая отличие его воззрений от взглядов Макиавелли, исследовательница считает, что обращение автора к платоновским рецептам было следствием непонимания им социальной и политической неспособности империи³⁵. Отмечая, что первопричину внутренних неурядиц Кавасила усматривал в ростовщичестве, М. А. Поляковская подчеркивает не только неоригинальность, но и реакционность его экономических воззрений. Исследовательница характеризует в целом нравственное сознание той эпохи как психологически экстравертное, стержневым понятием которого является не честь, но долг³⁶.

Алексея Макремволита исследовательница считает наиболее трезвомыслящим писателем середины XIV в., признававшим несостоятельность внешней политики Византии и падение ее международного авторитета. Он был едва ли не единственным представителем общественно-политической мысли той эпохи, который настойчиво и недвусмысленно ука-

зывал на внутренние социальные причины внешнеполитических неудач империи³⁷. Макремволит более примирительно относился к росту турецкого влияния, чем итальянского, в чем отразились настроения демократических слоев населения, ненавидевших латинян со времени IV крестового похода³⁸.

Характеристика мировоззрения и программы византийских латинофилов дана сквозь призму взглядов Димитрия Кидониса. Автор отмечает, что прозападная ориентация не была новым явлением для палеологовской Византии и латинофилы активизировались ввиду необходимости военной помощи Запада. Политическая позиция Кидониса была отмечена некоторым скепсисом, ибо как реалистически мыслящий государственный деятель он сознавал всю сложность получения искомой помощи. Однако искренняя приверженность к итальянской культуре в атмосфере победившего в стране мистического направления заставляла его противопоставлять собственное понимание патриотизма официальному и делала убежденным латинофилом. Рассматривая место трех политических группировок середины XIV в. — латинофильской, туркофильской и православной — в деле реальной защиты государства, исследовательница подчеркивает, что они все в равной мере были далеки от подлинных национальных интересов Византии. Объединение же двух последних под знаменем исихазма, выразившееся в победе мистики, во многом ускорило падение империи, подготовленное в целом причинами социально-экономического характера³⁹.

Проблеме генезиса феодализма в Западной Европе и Византии посвящена серия теоретических статей М. Я. Сюзюмова, тесно взаимосвязанных и дополняющих одна другую. Она открывается обширным исследованием «Дофеодальный период», написанным под впечатлением научной сессии в Москве 30 мая 1966 г., на которой дискутировалась теория А. И. Неусыхина о дофеодальном периоде. Отмечая, что в концепции А. И. Неусыхина история дофеодального общества создается на материалах раннефеодального общества, но в то же время понятие

³⁴ Карпов С. П. От фемы Халдия — к империи великих Комнинов. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 54—61.

³⁵ Поляковская М. А. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 104—116.

³⁶ Поляковская М. А. Этические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 77—84.

³⁷ В этом плане близко к Макремволиту стоял Григора, внешнеполитические взгляды которого в целом достаточно противоречивы. Подробнее см.: *Закржевская О. Г.* Концепция патриотизма Никифора Григоры: (К вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.). — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 85—95.

³⁸ Поляковская М. А. Эсхатологические представления Алексея Макремволита. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 87—98; *Она же.* Алексей Макремволит о внешнеполитическом положении Византии. — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 135—140.

³⁹ Поляковская М. А. Димитрий Кидонис и Запад (60-е годы XIV в.). — В кн.: Социальное развитие Византии. АДСВ, 1979, с. 46—57; *Она же.* Понимание патриотизма Димитрием Кидонисом. — В кн.: Античные традиции и византийские реалии. АДСВ, 1980, с. 45—52; *Она же.* К характеристике средневекового ученого: (Значение научной дискуссии в понимании Димитрия Кидониса). — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе, АДСВ, 1983, с. 40—51.

раннефеодального общества строго отделяется от понятия дофеодального периода, М. Я. Сюзюмов предложил считать дофеодальным периодом не стадию развития от родо-племенного строя к раннефеодальному, а особую историческую ситуацию, сложившуюся «при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в тех странах, которые прямо или косвенно находились под воздействием исключительно высокой культуры и готового к переходу к феодализму рабовладельческого общества»⁴⁰. Хронологически дофеодальный период, по М. Я. Сюзюмову, и на Западе и в Византии приходится на так называемые «темные века», т. е. на V—IX вв.; в «бессинтезном» районе Германии он затянулся до XI в. Критерием возникновения новой эпохи М. Я. Сюзюмов считал окончательное складывание основных классов феодального общества — крепостного крестьянства и землевладельцев-феодалов, а содержанием дофеодального периода — процесс постепенного поглощения свободной крестьянской общины феодальной собственностью.

В статье «Закономерный переход к феодализму и синтез» автором были специально рассмотрены тенденции варварского общества к развитому рабовладельческому строю и обосновывалось положение о том, что результатом германского завоевания империи был гигантский скачок назад, к тем социальным формам, которые римляне прошли еще в VIII—V вв. до н. э. Непосредственным итогом падения Западной Римской империи было перемещение собственности, прежде всего земельной, в пользу завоевателей и возникновение свободной крестьянской общины. Перемещение собственности являлось началом дофеодального периода, завершившегося победой крупного землевладения и институтов феодализма. С этих позиций М. Я. Сюзюмов решительно выступал против упрощенного понимания синтеза, вкладывая в понятие «синтез» борьбу и взаимодействие институтов, генетически восходящих к поздне римскому частному праву и отношениям, с нормами родового общества варваров⁴¹.

Впервые в этой статье был поставлен вопрос об асинхронности развития Рима и варваров, развитый в последующих работах. М. Я. Сюзюмов считал, что в рамках одной и той же формации поступательное развитие идет асинхронно у разных народов, что обусловливалось климатическими условиями, ландшафтом, наличием природных богатств, которые или тормозят, или стимулируют эволюцию социальных форм того или иного

этноса. Но если народы античной цивилизации развивались синхронно и их поступательное развитие завершилось созданием Pax Romana, то соприкасающиеся с ними варварское общество обнаруживает внутри себя различные тенденции социального восхождения и эволюционирует асинхронно. Военная верхушка варваров, будучи развращенной предметами роскоши античной цивилизации, становится на путь войн и стремится либо посредством порабления создать даннические отношения, либо инкорпорироваться в качестве особого сословия в развитое рабовладельческое общество. Основа же их общества оставалась племенной, и развивалось оно по собственному пути. В IV—VI вв. на фоне перехода рабовладельческого строя в новое качество асинхронное развитие германцев достигло своего апогея: вожди стремились стать привилегированным сословием империи, но, пытаясь сохранить единство завоевателей, вынуждены были консервировать старинные обычаи. Наконец, зарождавшиеся в недрах империи институты феодализации стали похожи на раннее рабство у германцев — это было началом асинхронного развития Рима и варваров. Однако там, где «конструктивные акты асинхронного развития прошли в буре деструктивных разрушений», власть господствующего класса была более сильной, и постепенно этот народ получал возможность перебраться в передовые страны, которые самобытно переходили к новому строю (Византия)⁴².

Рассуждение о процессах феодализации в поздне римском обществе с неизбежностью привело М. Я. Сюзюмова к необходимости выяснения причин, их породивших, которые, по его мнению, обрели характер устойчивых тенденций в ходе кризиса III в. Считая, совместно с Н. Н. Беловой, что кризис III в. в целом не представлял собой кризиса общественного строя, основанного на рабстве, но был вызван продолжением в изменившихся условиях традиционной римской политики управления империей как полисом и концентрацией, а также непроизводительным расходом прибавочного продукта провинций в столице, М. Я. Сюзюмов отмечал, что коренным вопросом социально-экономического развития римского государства в III в. стала проблема эксплуатации свободного населения в дополнение к труду рабов. По его мнению, восстановление мелкого самостоятельного хозяйства в условиях перехода земельной собственности в руки крупных магнатов могло быть осуществлено только путем внеэкономического принуждения. Для этого было необходимо объеди-

⁴⁰ Сюзюмов М. Я. Дофеодальный период.— АДСВ, 1978, вып. 8, с. 34.

⁴¹ Сюзюмов М. Я. Закономерный переход к феодализму и синтез.— АДСВ, 1975, вып. 12, с. 33—53.

⁴² Сюзюмов М. Я. Проблема асинхронного развития в древности: (К постановке вопроса).— АДСВ, 1976, вып. 13, с. 30—48. О противоречивых тенденциях развития германского родового общества и об оценке его вклада в социально-экономическое и социально-политическое развитие Западной Европы после падения Западной Римской империи см. также: Сюзюмов М. Я. О «самостоятельном пути» становления феодализма у германцев.— В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. АДСВ, 1983, с. 14—23.

нить формально невозможное для римского частного права — личную зависимость и самостоятельное ведение хозяйства, т. е. уравнивать аренду с пекулием, а свободного с рабом. Поиски реализации этой проблемы начались в III в., а узаконены — в IV в. Правовое оформление этих новых форм эксплуатации, содержащих элементы новых производственных отношений, стало подлинной альтернативой рабству, что означало начало кризиса рабовладельческого строя в IV—V вв.⁴³

Непосредственно связаны с одной из центральных тем сборников — изучением особенностей развития византийского города — и статьи, в которых на материале раскопок, прежде всего Крымской экспедиции кафедры, освещается история средневекового Херсона (Херсонеса) и Крыма. Крымская археологическая экспедиция была создана по инициативе М. Я. Сюзюмова и доцента кафедры Е. Г. Сурова в 1958 г. и с этого времени ежегодно проводит раскопки в Крыму. С первых лет своего существования она работает в тесном содружестве с Херсонесским заповедником, Крымским отделом Института археологии АН УССР, поэтому закономерно регулярное появление на страницах «Античной древности и средних веков» работ крымских исследователей.

Одним из первых объектов раскопок экспедиции явился северо-западный район Херсонесского городища, где были изучены рыбозасолочная цистерна (№ 33), различные гражданские постройки и последовалась базилика, раскопанная в 90-х годах К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Значительным итогом первых лет раскопок (1958—1964, 1967 гг.) было изменение представлений о времени строительства рыбозасолочных цистерн. В процессе изучения Северного района Херсо-

неса было сформулировано мнение, что цистерны для засолки рыбы строились в первые века и прекратили функционирование в IV в. Считалось, что причиной их строительства являлось расширение торговых связей и увеличение спроса на продукты питания в связи с необходимостью снабжения римских войск⁴⁴. После раскопок Е. Г. Сурова стало ясно, что рыбозасолочные цистерны продолжали строить и после IV в.⁴⁵ Позднее выводы Е. Г. Сурова были подтверждены на материалах раскопок Портового квартала и исследованием ряда ранее открытых цистерн в других районах городища⁴⁶.

В ходе изучения северо-западного района Е. Г. Сурову удалось показать, что в V в. произошло некоторое расширение территории Херсонеса⁴⁷. На вновь включенном участке не ранее VI в. возводится базилика. Вероятно, поздним строительством следует объяснить характер рисунка мозаичного пола, отличающегося большим схематизмом, чем в других базиликах Херсонеса⁴⁸.

Задача изучения периодичности застройки, выявление отличий в формировании городских кварталов вызвали обращение в 1963 г. к раскопкам первого Портового квартала. Некоторые результаты этих исследований, проводимых объединенной экспедицией, в состав которой входили Уральский и Харьковский университеты и Херсонесский заповедник, были опубликованы в ряде сборников⁴⁹.

Большое значение для изучения истории Херсонеса имело выявление слоев VII—VIII вв. Особый интерес представляют остатки здания, построенного в середине или конце VI в. и погибшего в пожаре VII в. До работ в Портовом районе не было известно датированных нумизматическим материалом слоев VII в. Слой разрушения VII в. представлял со-

⁴³ Белова Н. Н., Сюзюмов М. Я. К вопросу о кризисе в Римской империи в III в. — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 5—22.

⁴⁴ Белов Г. Д. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 66.

⁴⁵ Суров Е. Г. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 117—145.

⁴⁶ Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 45—52; Она же. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 18—26; Золотарев М. И. Раннесредневековый рыбозасолочный комплекс в Херсонесе. — Там же, с. 27—33.

⁴⁷ К близкому выводу относительно изменения линии обороны Херсонеса пришла И. А. Антонова, отметившая, что более значительный прирост городской территории произошел в IX—X вв. См.: Антонова И. А. Западный фронт обороны Херсонеса. — СМХ, 1963, вып. 3, с. 67.

⁴⁸ Бармина Н. И. Мозаика Западной базилики. — АДСВ, 1965, вып. 3, с. 166—170.

⁴⁹ Сводный отчет о раскопках в Херсонесе Объединенной экспедиции в 1963—1964 гг. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 7—61; Кучма В. В., Романчук А. И. Раскопки на юго-восточном участке портового района. — АДСВ, 1973, вып. 9, с. 7—12; Кадеев В. И. Раскопки в «центре квартала». — Там же, с. 13—27; Гилевич А. М. Монеты из раскопок портового квартала Херсонеса в 1965—1966 гг. — Там же, с. 28—38; Антонова И. А. и др. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, 1971, вып. 7, с. 81—101; Ивашута Л. П. Неполная керамика позднесредневекового Херсонеса. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 14—22; Романчук А. И. Керамический комплекс XI—XII вв. из раскопок портового квартала Херсонеса. — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 7—19; Она же. Изделия из кости в средневековом Херсонесе. — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 84—105; Она же. Граффити на средневековых амфорах из портового района Херсонеса. — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. АДСВ, 1983, с. 64—87; Барабанова О. О., Платонов С. Б. К методике изучения объемов средневековых амфор. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 127—133.

бой скопление обломков амфор, краснолаковой посуды, среди которых были найдены монеты Юстиниана I и Константина II⁵⁰. Интерес представляют также остатки водопровода, строительство которого на основании стратиграфических данных было отнесено к V—VI вв. Раскопки улиц и переулков 1-го Портового квартала выявили сеть канализационных водостоков, которые выходили из жилых домов и вливались в центральный магистральный канал, проложенный вдоль улицы; последний с небольшими изменениями действовал до конца XIV в.

Раскопки в Портовом квартале позволили выявить оживление строительства в XI—XII вв., затем в середине XIII в. Наиболее полно прослежен план жилых усадеб XIII—XIV вв. В этот период на территории квартала было расположено шесть домов, два квартальных храма-усыпальницы. Все они погибли в пожаре конца XIV в., но над развалинами некоторых домов в XV в. возникли какие-то постройки. Материалы XV в. обнаружены на территории 2-го Портового квартала⁵¹.

Археологическое изучение Херсонеса позволило с уверенностью говорить о том, что город переживал некоторый упадок в VII—VIII вв., но сохранил свое значение торгово-ремесленного, идеологического, административного и оборонительного центра, о чем свидетельствуют как разрозненные данные письменных источников⁵², так и археологические материалы⁵³.

Так, например, И. А. Антонова отмечает наличие неоднократных ремонтов и перестроек, прослеживаемых на отдельных участках оборонительных стен Херсонеса, которые приходятся на V—VI, VII—VIII, IX—X, X—XI вв. Новые материалы в корне изменили традиционное представление, согласно которому после значительных строительных работ

в эпоху Юстиниана оборонительные сооружения города не претерпели существенных изменений.

Дополняют понимание истории средневекового Херсонеса и публикации материалов раскопок гончарных комплексов VIII—IX вв., которые были расположены вне городской территории, что свидетельствует о сохранении в Херсонесе этого периода правила выносить огнеопасные мастерские за пределы городской жилой застройки⁵⁴.

Изучение экономического развития города, понимание специфики его развития невозможно без материалов сельской периферии, поэтому другим направлением научных изысканий экспедиции стало изучение некоторых сельских памятников, расположенных в долине реки Бельбек, а также раскопки на территории так называемых пещерных городов.

Представление о некоторых итогах исследований на Мангупе свердловских и крымских историков дают публикации Н. И. Барминой, проводившей с 1976 г. раскопки Мангупской базилики⁵⁵, и А. Г. Герцена, статья которого освещает основные этапы изучения оборонительных стен Мангупа⁵⁶.

Раскопки на территории другого «пещерного города» Крыма — Бакла, которые проводились отрядом Крымской археологической экспедиции Государственного исторического музея с 1974 г., освещаются в ряде статей В. Е. Рудакова⁵⁷ и Д. Л. Талиса.

В. Е. Рудаков, обобщая материалы своих десятилетних работ на Бакле, пришел к убедительным выводам, что Бакла в период расцвета (VIII—XIII вв.) выполняла функции, присущие городским поселениям. В ее топографии выделяются такие структурные компоненты, как цитадель, посад, расположенные в окрестностях сельские поселения. Для посада, где проживало торгово-ремеслен-

⁵⁰ Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса. — АДСВ, 1973, вып. 10, с. 246—250.

⁵¹ Романчук А. И. Материалы к истории Херсонеса XIV—XV вв. — В кн.: Византия и ее провинции. — АДСВ, 1982, с. 89—114.

⁵² Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века». — АДСВ, 1972, вып. 8, с. 42—55.

⁵³ Наиболее полно последние, касающиеся строительства оборонительных сооружений, проанализированы в двух статьях И. А. Антоновой «Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху» (АДСВ, 1974, вып. 7, с. 102—117) и «К вопросу о хронологии оборонительного строительства в средневековом Херсонесе» (АДСВ, 1976, вып. 13, с. 3—8).

⁵⁴ Золотарев М. И. Херсонесский гончарный комплекс VIII—IX вв. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 145—148; Рыжова Л. А. Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсонеса (в районе Радиогорки). — Там же, с. 149—156.

⁵⁵ Бармина Н. И. Мангупская базилика. — АДСВ, 1973, вып. 10, с. 304—307; Она же. К изучению Мангупской базилики (История исследования). — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 30—40; Она же. Греческая надпись на дне купели в Мангупской базилике. — АДСВ, 1978, вып. 15, с. 96—97.

⁵⁶ Герцен А. Г. История изучения оборонительного комплекса Мангупа. — В кн.: Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. АДСВ, 1983, с. 88—104.

⁵⁷ Рудаков В. Е. Исследование Баклинского городища в 1971—1972 гг. — АДСВ, 1975, вып. 11, с. 23—29; Она же. Материалы XII—XIII вв. из раскопок посада Баклинского городища (раскопки 1973 г.). — АДСВ, 1975, вып. 12, с. 20—32; Она же. Баклинский средневековый склеп с граффити. — В кн.: Античные традиции и византийские реалии. АДСВ, 1980, с. 121—129; Рудаков В. Е., Цибульникова В. А. К характеристике металлических изделий из раскопок Баклинского городища. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 134—144.

ное население, была характерна густая застройка.

Д. Л. Талис, используя данные археологических раскопок и привлекая византийские письменные источники, доказывает, что где-то с середины первого тысячелетия нашей эры в районе Бахлы происходят изменения в характере земледела, а именно — свертывается виноградарство. Автор выявляет и одну из функций цитадели — быть защищенным хранилищем зерна⁵⁸.

Характер городской планировки — прямоугольные кварталы — отмечает и Е. В. Веймарн для Эски-Кермена XII—XIII вв. подчеркивая, что значительный удельный вес в хозяйственной жизни этого «пещерного города» занимало скотоводство⁵⁹.

Сельским поселениям Таврики VIII—IX вв. посвящены статьи А. И. Романчук, Л. А. Омельковой, В. С. Щербаковой, А. В. Гадло⁶⁰.

Об интенсивной жизни на южном берегу Крыма в VI—X вв. пишут О. И. Домбровский и Е. А. Паршина. По мнению исследователей, она была обусловлена, с одной стороны, появлением византийских береговых укреплений, с другой — иконопочитательской эмиграцией в Крым⁶¹.

Кроме анализа археологических данных, полученных в последние годы, в сборниках были опубликованы статьи, вводящие в научный оборот материалы раскопок более ранних лет⁶². Среди последних следует отметить работу Е. В. Веймарна⁶³, в которой исследователь, обобщая как опубликованные, так и неопубликованные материалы, приходит к выводу о том, что так называемые «длинные стены» возникли в VI в. для защиты земледельческих районов от горного населения Крыма.

Представленный обзор позволяет сделать вывод о весомости вклада основанного М. Я. Сюзюмовым научного направления. На страницах сборника «Античная древность и средние века» поднима-

лись наиболее кардинальные вопросы византийской истории. Вышедшие в свет 20 выпусков этого сборника свидетельствуют о прочности научных традиций в работе кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского государственного университета.

Разумеется, не все положения, выдвинувшиеся в статьях сборника, теперь можно признать бесспорными. Дискуссионными являются многие положения М. Я. Сюзюмова, касающиеся генезиса византийского феодализма, что нашло отражение в статьях как самого М. Я. Сюзюмова⁶⁴, так и его оппонентов, опубликованных на страницах «Византийского временника» и других изданий, что ни в коей мере не снижает реальной значимости его вклада в их разработку в советской историографии, углубление исследования дискуссионных проблем. Не закрепился в историографии и тезис М. Я. Сюзюмова о рождении и развитии в поздней Византии «нового предпринимательского класса», развитии мануфактурного производства и, соответственно, о якобы имевших место в поздней Византии тенденциях к преодолению феодальной раздробленности, превращению Византии в централизованную монархию позднесредневекового типа. Положения В. А. Сметанина о византийской мануфактуре не были приняты большинством советских исследователей (И. П. Медведев, Д. И. Польвинский, В. Н. Завражин и др.), учеными ГДР (К.-П. Мачке). Более разностороннее изучение учеными Свердловского университета всего комплекса проблем экономической и социально-политической истории и идеологии поздневизантийского общества (монастырское хозяйство, общественная мысль) привело к корректировке представлений об уровне и тенденциях хозяйственного развития и социальной структуры поздневизантийского общества. Изучение М. А. Поляковой трактата Алексея Макремволита и общественных взглядов византийских идеологов XIV в. более

⁵⁸ Талис Д. Л. Материалы к экономической и социальной истории юго-западного Крыма: (Цитадель Бахлиского городища). — В кн.: Античный и средневековый город. АДСВ, 1981, с. 64—72.

⁵⁹ Веймарн Е. В. Жилые усадьбы Эски-Керменского городища. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 64—88.

⁶⁰ Романчук А. И. Раскопки сельского поселения в низовьях реки Бельбек. — АДСВ, 1976, вып. 13, с. 9—26; Щербакова В. С. Раскопки хозяйственных комплексов у поселка Заря Свободы на трассе строительства шоссе Симферополь — Севастополь. — Там же, с. 27—29; Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. — В кн.: Социальное развитие Византии. АДСВ, 1979, с. 94—104; Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII—X вв. — В кн.: Античные традиции и византийские реалии. АДСВ, 1980, с. 130—145.

⁶¹ Домбровский О. И., Паршина Е. А. Опыт хронологизации средневековых памятников на территории крымского южного бережья. — АДСВ, 1973, вып. 10, с. 244—246. Итоги раскопок гонимого центра VIII—IX вв. этого же региона изложены в статье И. А. Баранова.

⁶² Даниленко В. Н., Романчук А. И. Поливная керамика Мангупа. — АДСВ, 1969, вып. 6, с. 116—138; Веймарн Е. В. Некрополь около крестообразного загородного храма в Херсонесе. — АДСВ, 1977, вып. 14, с. 5—17; Луцко В. Г. Два фрагмента крестов-энколпионов из Крыма. — В кн.: Византия и ее провинции. АДСВ, 1982, с. 32—37.

⁶³ Веймарн Е. В. От кого могли защищать готов в Крыму «длинные стены» Прокопия? — В кн.: Античные традиции и византийские реалии. АДСВ, 1980, с. 19—33.

⁶⁴ См.: Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893—1982): Список трудов. — ВВ, 1984, 45, с. 285—289.

сближает ее оценки с новейшими выводами исследователей (Л. Максимович и др.), отказывающихся видеть в «богатых» трактата Алексея Макремволита «новый предпринимательский класс».

Вряд ли можно согласиться и с попытками В. А. Сметанина в уже упоминавшихся выше статьях теоретически обосновать необходимость выделения эпистолологии в отдельную, самостоятельную вспомогательную историческую дисциплину. При всем том, что автор посвященных этому сюжету статей внес действительно большой вклад в изучение византийских эпистографических памятников как особого типа источников, их специфики, классификации, методики и анализа, нам представляется, что ему не удалось доказать выдвинутый им тезис — необходимость «выведения» эпистолологии из области «конкретного источниковедения». На сходных основаниях можно выделить из источниковедения изучение достаточно большого круга типов источников. Для византистики, которая едва ли не в любом исследовании вынуждена оперировать всем комплексом источников, сама постановка такого вопроса нам кажется бесплодной и неперспективной. Разумеется, это не исключает необходимости более глубокого осмысления специфики и методики исследования источников разных типов.

Все изложенное выше, на наш взгляд, говорит о характерном для сборников движении, несомненном прогрессе в разработке на его страницах проблем истории Византии. Не случайно материал и выводы его авторов привлекают внимание как советских, так и зарубежных исследователей. Как несомненное достижение по сравнению с первыми выпусками сборников следует отметить расширение их проблематики. Это проблемы идеологии и этических воззрений (М. А. Поляковская, А. С. Козлов, В. Н. Барабанов и др.), истории военной организации и мысли, до недавнего времени почти не разрабатывавшиеся в советском визан-

тиноведении специально (В. В. Кучма), комплекс работ археологов, в которых прослеживается тенденция выявить комплексную картину взаимосвязанного развития Херсонеса, малых городов и поселений его округа (А. И. Романчук, В. Е. Рудаков и др.). Наконец, в последние годы, это серия работ, ставящих своей целью уяснить специфику и характер системы международных связей Византии, ее отношений с «малыми» соседними государственными образованиями (В. П. Степаненко и др.).

К достоинствам сборников можно отнести и то, что почти в каждом выпуске появляются фамилии новых, молодых авторов. Сборники сыграли большую роль в становлении не только свердловского, шире — уральского византиноведения. Ученые, выступавшие на их страницах, стали авторами крупных коллективных исследований, участниками всесоюзных и международных симпозиумов и конгрессов. Многие статьи выросли и вырастают в крупные и комплексные исследования, не только в кандидатские, но и в докторские диссертации. В этом смысле не может быть недооценен вклад сборников (ныне отв. ред. проф. М. А. Поляковская) в подготовку кадров специалистов по истории Византии.

В заключение остается лишь выразить сожаление, что за сборниками, имеющими устоявшееся собственное лицо, традиции и проблематику, устойчиво приобретенными известность как в нашей стране, так и за рубежом под названием «Античная древность и средние века», это название не было сохранено. Думается, что для пользы дела подобного рода издания, фактически ставшие периодическими междувузовскими, должны быть выделены — благодаря единому названию — из всевозрастающей массы отдельных проблемно-тематических сборников «разовой» публикации.

Г. Л. Курбатов, Е. П. Глушанин

Византийский Земледельческий закон: Текст, исследование, комментарий/Подгот. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская. Под ред. И. П. Медведева. Л.: Наука, 1984, 280 с.

В списках desiderata Международной ассоциации византистов названный выше знаменитый византийский памятник неизменно значился как источник, критическое издание которого давно стало острой необходимостью. Опубликованный последний раз В. Эшбернером в 1910 г. с учетом всего шести рукописей, Земледельческий закон за истекшие три четверти столетия, хотя издатель и основывался на одном из древнейших списков, стал объектом многочисленных дискуссий, которые в конце концов заставили усомниться в точности воспроизведения Эшбернером самого текста памятника.

Коллектив ленинградской византистики поставил перед собой благородную и нелегкую задачу — опубликовать, наконец, критически выверенный текст источника. Надежда на успех оправдывалась прежде всего тем обстоятельством, что

именно в советском древлехранилище находится, как это убедительно показано И. П. Медведевым (см. с. 35—41), самый лучший список Земледельческого закона (ГИМ, греч. 318, XI в.). Этот список и положен в основу нового издания памятника, хотя издатель широко привлек, разумеется, и другие списки, хранящиеся в своем большинстве в зарубежных библиотеках.

И. П. Медведев избрал в качестве руководящего принципа издания отечественную концепцию критической публикации исторических памятников, согласно которой за основу принимается лучший, наиболее близкий к предполагаемому оригиналу список, тогда как в западной археологии (в том числе в византистике) сплошь и рядом следуют принципу, заключающемуся в попытках реконструкции автографа путем привлече-